

Генезисъ нравственнаго идеала декадента.

«Нѣтъ такой дурной книги, изъ которой нельзя бы научиться чему либо хорошему», говорилъ Гете. Для нашего времени, особенно богатаго дурными книгами, это чрезвычайно утѣшительно. Если это время крайне бѣдно философскими, религіозными, нравственными и даже художественными произведеніями духа, выросшими на почвѣ началъ и идеаловъ, создавшихъ всю предшествовавшую культуру человѣчества, доказавшихъ на ней свою жизненность и творческую силу, глубокихъ и всесторонне продуманныхъ, а еще недавно и безспорно общепризнанныхъ въ человѣчествѣ,—то богато оно за то въ другомъ отношеніи. Отринувъ историческія, недавно еще безраздѣльно господствовавшія въ его духовной жизни начала,—современное человѣчество всѣ свои умственныя силы, весь огромный капиталъ своего знанія и всю свою энергію страстно сосредоточиваетъ на изысканіи *новыхъ* началъ, новыхъ основъ для своей философіи, нравственности, религіи и эстетики, взамѣнъ обветшавшихъ, подвергнутыхъ сомнѣнію и отринутыхъ старыхъ. Никогда не бывало такъ велико разнообразіе болѣе или менѣе остроумныхъ, ученыхъ и глубокомысленныхъ попытокъ установить новые *принципы* для философіи, религіи, нравственной жизни, искусства—открыть новые пути для ихъ дальнѣйшаго развитія, какъ въ послѣднія десятилѣтія нашего вѣка. Въ массѣ произведеній, вызванныхъ этимъ движеніемъ на почвѣ замѣчательно единодушнаго сомнѣнія въ старыхъ основахъ жизни и безнадежно расходящагося по безчисленнымъ направленіямъ исканія новыхъ основъ на новыхъ, еще неизвѣданныхъ путяхъ,—напрасно было бы искать убѣдительнаго и рѣшительнаго отвѣта на *принципіальные* вопросы, составляющіе весь ихъ дѣйствительный интересъ. Выдвигаемыя одни за другими,

новыя начала умственной и нравственной жизни,—новые идеалы въ борьбѣ за господство, за признаніе ихъ дѣйствительными началами этой жизни, безсильны привести эту борьбу къ исходу, къ рѣшительной и безповоротной побѣдѣ одного изъ нихъ надъ другими. За то въ этой борьбѣ они очень успѣшно и неумолимо обличаютъ одни другія, взаимно обнаруживая свою неполноту, слабость, негодность служить основами умственной и нравственной жизни. Зрителю этой поучительной борьбы становится изъ нея совершенно яснымъ, что именно не можетъ быть дѣйствительнымъ началомъ нашей жизни, на какихъ именно путяхъ нельзя его искать. Въ этомъ отношеніи чѣмъ болѣе дурныхъ книгъ, ищущихъ истины на ложныхъ путяхъ, и чѣмъ эти книги хуже, чѣмъ избранный ими путь далѣе и очевиднѣе отходитъ отъ истиннаго, тѣмъ болшему можно изъ нихъ научиться.

Съ этой точки зрѣнія нельзя не признать особенно поучительными взгляды на основанія и задачи нравственной жизни Фридриха Ницше, съ которыми читатель «Вопросовъ философіи и психологіи» познакомился изъ изложенія г. Преображенскаго въ XV книгѣ журнала. Среди безчисленныхъ въ современной литературѣ попытокъ дать нравственной жизни новыя основанія, совершенно независимыя отъ традиціонныхъ, лежащихъ въ основѣ всей новой, христіанской культуры, трудно было бы, дѣйствительно, указать другую, которая болѣе ярко и очевидно, чѣмъ попытка Ницше, выяснила бы несостоятельность *самой задачи* этихъ попытокъ. Трудно яснѣе, чѣмъ сдѣлалъ это Ницше, доказать полную несостоятельность одной категоріи этихъ попытокъ *новой морали*,—ученій альтруизма и ученій, полагающихъ въ основу нравственной жизни требованія *нравственнаго блага*. Но трудно и такъ полно осуществить, уничтожая этого своего противника («общественную» мораль), надъ своимъ собственнымъ ученіемъ, видящимъ всю задачу нравственности «въ пышномъ расцвѣтѣ самодовлѣющей *особи*», приемъ *reductio ad absurdum*. Знакомство со взглядами Ницше на задачи нравственной жизни лучше изученія многихъ другихъ систематическихъ нравственныхъ ученій нашего времени убѣдитъ внимательнаго читателя въ томъ, что задачей этики и верховнымъ закономъ нравственности *не можетъ быть ни общественное благо*, какъ такое, ни самый могучій и пышный расцвѣтъ силъ и дарованій *особи*,—что этой задачи нужно искать въ совершенно иной области.

Къ тому или къ другому изъ этихъ основныхъ началъ сводятся всѣ нравственныя ученія новѣйшаго времени, покинувшія почву традиціонной и безусловной, христіанской, морали: и ученія утилитаризма, приспособленія, эволюціонизма, религіи человечества и т. п., и ученія свободнаго идеала (Гюйо), самоуспокоивающейся въ экстагическомъ напряженіи самочувствія особи (Баррэсъ) и могучаго и прекраснаго, ничѣмъ не связаннаго самозаконнаго «сверхъ-человѣка» (Ницше). Въ области *политической* первый взглядъ, подчиняющій всю нравственную жизнь требованіямъ общественнаго блага и видящій въ отдѣльной личности лишь средство, орудіе для цѣлей общаго цѣлаго (общества ли, человечества ли, или всего міра) составляетъ почву *соціализма*; второй же, видящій наоборотъ въ обществѣ, человечествѣ и природѣ лишь служебное орудіе, подмости для безграничнаго и всесторонняго развитія самодовлѣющей особи — лежитъ въ основѣ *анархизма* (безъисходное *bellum omnium contra omnes*, гдѣ право опредѣляется мощью). Въ сторонѣ отъ обоихъ направленій остается нравственность *безусловнаго долга*, мораль христіанская, признающая нравственную личность за безусловную *самоцѣль*, не могущую быть униженною до степени *средства* общественнаго-ли блага, развитія ли и расцвѣта другой, болѣе сильной и одаренной личности.

Блистательно опровергая мораль общественнаго блага, утилитаризма, альтруизма и соціализма, и столь же блистательно доводя до абсурда свою собственную мораль самодовлѣющей, эгоистической особи, — мораль анархизма, — Ницше своими нравственными взглядами, совершенно наперекоръ своимъ задушевымъ и самымъ страстнымъ стремленіямъ, приводитъ къ необходимости обратиться именно къ глубоко имъ ненавидимой, но даже *незатронутой*, дѣйствительно, его критикою, морали безусловнаго долга, морали христіанской. Въ этомъ его ненамѣренная, невѣдаемая ему — также какъ и его апологетами — въ заслугу поучительность Ницше. Но въ этомъ же и внутреннее осужденіе того дѣла, которое онъ сознательно стремился сдѣлать, — дѣла отрицанія всякаго безусловнаго закона жизни, во имя обоготворенной, самозаконной геніальной особи. Понять это его дѣло, само себя разрушающее и доставляющее торжество именно страстно-ненавидимому противнику, значитъ и осудить это дѣло. А за служеніе ему въ наше время берутся такъ многіе съ еще большимъ, чѣмъ у Ницше, болѣзненно раздраженнымъ самолюбіемъ и легко-

мыслиемъ, но и съ несравненно меньшею искренностью, меньшей душевною мукою и меньшимъ дарованіемъ....

Не только философъ, но и каждый искренно мыслящій умъ стремится дать себѣ ясный отчетъ въ своихъ понятіяхъ о занимающемъ его вопросѣ, внести въ эти понятія единство и порядокъ, устранить возможность противорѣчивыхъ, взаимно исключających другъ друга сужденій объ одномъ и томъ же предметѣ въ одномъ и томъ же отношеніи, словомъ стремится къ *системѣ*, къ стройной цѣльности своей мысли. *) Фр. Ницше не только чуждъ этого стремленія къ системѣ, къ синтезу, безъ котораго никогда не создалась бы ни наука, ни философія, но даже въ принципѣ осуждаетъ его. Въ немъ онъ видитъ «недостатокъ порядочности», и отрывочность, афористичность своей собственной мысли возводитъ въ требованіе всякой мысли, которая не ищетъ ложнаго успокоенія въ самообманѣ мнимой законченности своихъ построеній **). Поэтому и единство взглядовъ Ницше на нравственную проблему есть единство не началъ и понятій, но единство *личнаго настроенія, личной воли*, ставящей себя сознательно внѣ и выше господства какихъ бы то ни было логическихъ рамокъ, общихъ началъ и понятій. Для него все есть только проблема, ничто само по себѣ не имѣетъ безспорной и достовѣрной цѣнности и обязательности, кромѣ этого личнаго настроенія, личной самоутверждающейся воли. Это ничѣмъ не связанное—ни внѣшнимъ, ни внутреннимъ закономъ,—самообоготвореніе личной воли опредѣлило у Фр. Ницше и самую постановку имъ вопроса о нравственности и то рѣшеніе этого вопроса, къ которому онъ приходитъ.

Въ самой *постановкѣ* у Фр. Ницше вопроса: что такое нравственность, — *откуда и для чего эта совокупность нормъ, осуждающихъ одни поступки и одобряющихъ другіе, устанавливающихъ*

*) Вѣдь мысль, совершенно единичная, внѣ всякой связи съ другими, не бываетъ ни ложной, ни истинной.

**.) Ницше особенно блестящъ и силенъ, излагая свои мысли въ формѣ отрывочныхъ афоризмовъ. Это и любимая форма его. Но блестящимъ литераторомъ остается онъ и въ тѣхъ немногихъ сочиненіяхъ, гдѣ высказываетъ свою мысль не афористически, но связно. Какъ на образецъ послѣднихъ укажу читателю на небольшую, но крайне мѣткую и злую характеристику Вагнера и Вагнеріанства въ статьѣ *Der Fall Wagner*, одномъ изъ болѣе безобидныхъ его произведеній (хотя и здѣсь добродѣтель отождествляется съ дрессурою любовь выводится изъ половой вражды и ненависти и т. п.).

для людей различіе добра и зла? — предрѣшается уже *невозможность* какого бы то ни было дѣйствительнаго различія между добромъ и зломъ, какихъ либо нравственныхъ нормъ и законовъ. Главный недостатокъ существовавшей донинѣ науки о нравственности Ницше видитъ въ томъ, что въ этой наукѣ не было еще самой *проблемы* нравственности. Исслѣдователи этой области принимали-де нравственность, какъ нѣчто данное, не подлежащее сомнѣнію, и ограничивались только различными попытками научно *понять* этотъ данный фактъ нравственной жизни, объяснить его изъ тѣхъ или другихъ основаній. Во всемъ своемъ изслѣдованіи они не покидали почвы самой данной нравственности и въ рѣшеніи своихъ вопросовъ руководствовались критеріями той же самой изслѣдуемой ими нравственности. Въ ней же самой они такимъ образомъ искали и ея оправданія, причемъ очевидно нравственность никогда не становилась дѣйствительною *проблемой*. Этотъ приемъ осуждаетъ, по мнѣнію Ницше, всю предшествующую науку о нравственности. Чтобы дѣйствительно поставить проблему о нравственности и ея цѣнности, — думаетъ онъ, — нужно стать *выше и внѣ* всякихъ нравственныхъ оцѣнокъ, какъ таковыхъ, нужно перейти *по ту сторону добра и зла*, и перейти не только отвлеченно, въ мысли, но и въ чувствѣ и въ жизни. Основаніе нравственности, то, что придаетъ ей бытіе и цѣнность, нужно тк. обрискать, по Ницше, внѣ и выше самой нравственности, въ томъ что по ту сторону добра и зла, само не есть ни добро ни зло, само чуждо нравственнаго характера. — Нетрудно видѣть что *такая* постановка «проблемы» нравственности заранѣе уже предрѣшаетъ, что нравственность вообще не имѣетъ никакого *внутренняго* основанія и цѣнности, но заимствуетъ ихъ отъ чего то, что само нравственности чуждо. Предрѣшается иными словами, что, нравственности *безусловной* не существуетъ, то же, что мы нравственностью называемъ, совершенно условно и заимствовано отъ внѣ. *Весь* вопросъ о нравственности рѣшенъ у Ницше уже въ самой постановкѣ его, и рѣшенъ въ смыслѣ морали условной, относительной, внѣшней.

Почему же такъ? Чѣмъ такое важное рѣшеніе мотивировано? Гдѣ его оправданіе? Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, серьезно видѣть такое оправданіе въ положеніи Ницше, будто «для того, чтобы судить о нравственности нужно стать внѣ и выше нравственности, подняться надъ ея критеріями!» Что сказали бы мы о

томъ, «мыслителѣ», который серьезно увѣрялъ бы насъ, что для того чтобы здраво судить о логикѣ, нужно стать внѣ и выше логики, отрѣшиться отъ ея требованій и законовъ? Конечно при такомъ отрѣшеніи мысли отъ логики—и сужденіе получилось бы не здоровое и логическое, но безумное и нелѣпое. Какъ науку логики создаютъ не безумные, не тѣ, которые перестаютъ сами логически мыслить, становясь внѣ и выше логики,—такъ и науку о нравственности создаютъ не тѣ, кто перестаетъ руководствоваться «и въ мысли и въ чувствѣ и въ жизни» нравственными критеріями, переносясь «по ту сторону добра и зла». Перенесясь въ логикѣ по ту сторону истины и лжи, мы только становимся сами *нелогичны*; перенесясь по ту сторону добра и зла—только становимся сами *нравственны*; но никакой *проблемы* ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не рѣшаемъ и рѣшить не можемъ. Еслибы логика и нравственность были не законами самого нашего духа, но законами внѣшнихъ предметовъ и явленій, то изслѣдователь ихъ могъ бы стоять внѣ и выше изслѣдуемой логики и нравственности, «по ту сторону» ихъ. Но если они законы *того же* духа, который и изслѣдуетъ ихъ, то отрѣшиться отъ нихъ, стать внѣ и выше ихъ изслѣдователь не можетъ, не переставши вовсе мыслить. Ученый логикъ вовсе не создаетъ законовъ, по которымъ совершается мысль въ силу ея исконной организациі, но лишь уясняетъ и раскрываетъ намъ эти законы, задачи и приемы мысли. Такъ же и философъ-моралистъ вовсе не сочиняетъ нравственность, не создаетъ впервые нравственного закона, а лишь раскрываетъ и уясняетъ его изъ понятій о той же духовной организациі нашей. Конечно, *если* законы логической мысли и нравственной воли коренятся въ самой нашей духовной организациі, то и логика и нравственность имѣютъ и *внутреннее* основаніе и *внутреннюю* цѣнность, независимыя ни отъ какихъ случайныхъ, внѣшнихъ условій. Безъ первыхъ и внѣ ихъ невозможны и мышленіе и воля, то есть для мыслящаго и волящаго существа, какъ такого, и требованія логики и нравственныя требованія имѣютъ значеніе требованій *безусловныхъ*, внѣ которыхъ можно стать—лишь становясь нелогичнымъ и безнравственнымъ.

Закрывъ для себя своей характерной постановкой вопроса о нравственности, *единственный* путь, на которомъ изслѣдованіе въ этой области вообще возможно, Ницше дѣлаетъ еще одинъ шагъ, окончательно рѣшающій уже все направленіе его мысли о

нравственности, и опредѣляющій все содержаніе его ученія, отрицающаго различіе добра и зла, т.-е. всю нравственность. Основаніе нравственности,—то, что даетъ ей и содержаніе, и цѣнность,—лежитъ, какъ онъ утверждаетъ, внѣ и выше всякихъ нравственныхъ критеріевъ, по ту сторону добра и зла. Какое же это основаніе? Основаніемъ всякихъ нравственныхъ предписаній, всякихъ *обязанностей*, вообще, служатъ по Ницше тѣ *высшія цѣли*, которыя добровольно ставитъ своей жизни человѣкъ. Только свободно признавъ какую-либо высшую цѣль своей жизни, признаетъ человѣкъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и опредѣленный кругъ обязанностей, выполненіе которыхъ требуется для осуществленія этой цѣли, какъ условіе или средство. Различіе содержанія нравственности заключается поэтому въ различіи высшихъ цѣлей. Сколько въ человѣкѣ такихъ признанныхъ высшихъ цѣлей, столько же и различныхъ нравственныхъ системъ.

Придавая отъ себя той или другой нравственной системѣ и ея опредѣленное содержаніе, и ея цѣнность для того или другого человѣка, сами эти высшія цѣли, конечно,—утверждаетъ Ницше,—*стоятъ внѣ и выше нравственной оцѣнки*. Мѣрило цѣнности этихъ высшихъ цѣлей уже само не можетъ имѣть нравственнаго характера. Гдѣ же это мѣрило цѣнности самихъ цѣлей, дающихъ бытіе нравственнымъ обязанностямъ и ихъ системамъ? Существуетъ ли, вообще, какая-либо общепризнанная цѣль жизни, которая могла бы служить основаніемъ для одной общечеловѣческой морали? Только въ томъ случаѣ, говоритъ Ницше, если бы человѣчество имѣло общепризнанную цѣль, можно было бы говорить: поступать *должно* такъ-то и такъ-то. Но такой единой общепризнанной цѣли *нѣтъ*! Можно *рекомендовать* человѣчеству ту или другую цѣль жизни, какъ высшую, но только послѣ признанія ея можно выводить изъ нея *законъ* жизни. Нельзя искать закона, какъ чего-то даннаго, готоваго, независимо отъ свободнаго признанія той или другой цѣли жизни. На чемъ же основывается, повторяемъ, самое признаніе той или другой цѣли жизни, являющейся основаніемъ для всей системы нравственныхъ обязанностей? Гдѣ критеріи для самихъ этихъ верховныхъ цѣлей? Вѣдь, пока такой признанной индивидуумомъ цѣли *нѣтъ*,—на этого индивидуума не налагаются *никакія* обязанности, для него не существуетъ ни добра, ни зла, ни грѣха, ни вины, ни упрековъ совѣсти?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ—*весь Ницше*. Нравственность

существуетъ лишь постольку, поскольку есть признанная высшая цѣль жизни. Но такой единой признанной цѣли *нѣтъ*; не существуетъ, поэтому, и единой общечеловѣческой морали. Не существуетъ, далѣе, и такого *критерія*, на основаніи котораго одна изъ безконечнаго множества возможныхъ цѣлей должна бы быть свободно признанной и чрезъ который нравственность была бы положена. Нравственная обязанность все еще лишена всякаго основанія, за неимѣніемъ *критерія* цѣлей. Чѣмъ же, послѣ этого, руководиться мнѣ въ жизни, если нѣтъ ни критерія цѣлей жизни, ни установленной цѣли, ни вытекающей изъ нея обязанности?

Своей свободой, своей волей, не связанной ни внѣшними, ни внутренними цѣпями общественныхъ, метафизическихъ, религіозныхъ и нравственныхъ предразсудковъ,—отвѣчаетъ Ницше. Долой всѣ эти цѣпи! Смысль, цѣнность и цѣль жизни вложены въ нее не отвлѣ: только своей волею (не забудемъ—*безъ* критерія) влагаетъ человѣкъ смыслъ въ свою жизнь, *самъ* создаетъ ея значеніе и цѣнность. Не законы, обязанности и внѣшнія цѣли возвышаютъ цѣнность и достоинство жизни, но единственно полнота, энергія, широкой расцвѣтъ самой индивидуальной, ничѣмъ не связанной, жизни. Нравственность есть лишь служебное средство и симптомъ жизни, но не ея руководство и законъ. Жизнь особи—сама себѣ законъ и оправданіе.

Мы далѣе вернемся къ тѣмъ выводамъ и приложеніямъ, которые дѣлаетъ Ницше изъ своего идеала свободной, ничѣмъ ни отвлѣ, ни изнутри не связанной, мощно и широко развивающейся личности, скинувшей съ себя оковы всякихъ обязанностей, всѣхъ этихъ старыхъ призраковъ грѣха, вины, преступленія, долга, и проч. Намъ важенъ здѣсь тотъ *путь*, которымъ Ницше приходитъ къ этому идеалу, отрицающему уже не только безусловную, но и всякую, вообще, нравственность, всякое понятіе долга и обязанности. Путь этотъ опредѣляется, какъ мы видѣли, его положеніемъ, что нравственныя обязанности основаніе имѣютъ въ *признанныхъ цѣляхъ* жизни, которыя, поэтому, сами уже оцѣнкѣ *по нравственнымъ критеріямъ не подлежатъ*. Отсюда, за неимѣніемъ и другого критерія для самихъ обосновывающихъ нравственныя правила цѣлей, Ницше приходитъ къ полному отрицанію такихъ правилъ, *пока не установится единой общепризнанной цѣли, единого идеала*. До тѣхъ поръ—(время «междуцарствія») —поведеніе индивидуума можетъ подчиняться лишь его собственному разуму и руково-

даться только его собственнымъ выборомъ, его вкусами и его дарованіями. «Мы лучше всего сдѣлаемъ, если въ это междуцарствіе станемъ своими собственными царями». Только подлинно-индивидуальный поступокъ, подлинно-индивидуальная жизнь, внѣ всякихъ общихъ стѣснительныхъ рамокъ и законовъ, цѣнны и благородны.

Этотъ путь особенно поучителенъ своею совершенною послѣдовательностью и законченностью. Благодаря этой послѣдовательности и проведенію основной мысли до конца, онъ представляетъ превосходнѣйшую критику одного изъ наиболѣе распространенныхъ въ нашей наукѣ о нравственности недоразумѣній. Это недоразумѣніе, отъ котораго рѣдкій изъ современныхъ моралистовъ остается свободенъ, состоитъ въ признаніи, что *основанія* нравственнаго закона нужно искать въ тѣхъ или другихъ *цѣляхъ* жизни*). Мораль въ этомъ направленіи обращается въ мораль цѣлей, а не мораль принциповъ, внутреннихъ и безусловныхъ законовъ воли.

Изложенный ходъ мысли у Ницше показываетъ, что, исходя изъ понятія цѣли, какъ *основанія* нравственнаго закона, мы послѣдовательно должны кончить *полнымъ отрицаніемъ* послѣдняго. Если существующія системы «этики цѣлей» (а таковы почти всѣ наличныя системы—и утилитарныя, и пессимистическія, и альтруистическія) уходятъ отъ этого крайняго вывода Ницше, то лишь благодаря отсутствію его неумолимой послѣдовательности. Ницше, дѣйствительно, неопровержимъ на этой почвѣ. Нельзя ничего возразить на его разсужденіе: если *цѣль* есть *основаніе* нравственнаго закона, то оцѣнка самой цѣли уже не есть дѣло нравственнаго критерія: самая цѣль оправдывается уже иными критеріями, чѣмъ нравственные, которые сами на ея признаніи только основаны. Всѣ системы нравственности цѣлей, признавая нравственный законъ за требованіе той или другой высшей цѣли жизни, за выводъ изъ нея, и, въ то же время, оправдывая самую эту цѣль ея *нравственнымъ* характеромъ, очевидно, вертятся въ безвыходномъ логическомъ кругу: *нравственность* есть требованіе *нравственной* цѣли жизни. Въ то же время, лишая этимъ логиче-

*) О различіи *цѣлей* воли и ея внутреннихъ, руководящихъ *началъ* см. мою брошюру «Общественное благо въ роли верховнаго начала нравственной жизни». Москва, 1892 г., стр. 22 и слѣд.

скимъ кругомъ свои построения всякой научной состоятельности, онѣ вносятъ въ систему морали необходимость быть системой только *условной, относительной* морали. Всякая мораль цѣлей, система нравственныхъ законовъ лишь какъ требованій, условій той или другой признанной за высшую цѣли жизни, есть необходимо и мораль условная, ибо она—только *средство* для зависящаго отъ безконечной массы условій *осуществленія* цѣлей. Самое основаніе такой морали—должно стоять внѣ нравственного критерія, оставаться *оправдывающимъ* нравственность, но *не ею оправданнымъ*, а сама система—лишь условная, обязательная лишь подъ условіями. Ницше, оставаясь на почвѣ признанія нравственной обязанности за имѣющую основаніе единственно въ признанной цѣли жизни, только послѣдовательно другіхъ сдѣлалъ отсюда выводъ: если такъ, то *нравственно-обязательной* цѣли нѣтъ, а если нѣтъ единой нравственно-обязательной цѣли, то нѣтъ вовсе и никакой нравственной обязанности.

Выходъ отсюда представляется единственно въ морали *безусловной*, въ которой нравственный законъ основаніе своей обязательности имѣетъ не внѣ себя, не въ какой бы то ни было условно осуществимой цѣли, или системѣ цѣлей жизни, но *внутреннее*,—въ томъ, что онъ есть законъ самой, ставящей себѣ вообще какія бы то ни было *цѣли* дѣятельности *духа*,—ея принципъ. Только если основаніе всей системы нравственныхъ законовъ коренится въ самой организациі духа и есть внутренній законъ цѣлеположенной дѣятельности этого духа, осуществимый на столько же, на сколько осуществима и сама эта дѣятельность, и независимый отъ тѣхъ или другихъ полагаемыхъ ею цѣлей,—осуществимыхъ или неосуществимыхъ, низменныхъ или возвышенныхъ,—только тогда есть нѣчто и *безусловное* въ законахъ нравственной жизни. Только съ этимъ получается и искомый критерій для опредѣленія нравственного достоинства самихъ возможныхъ цѣлей жизни, признаніе или непризнаніе которыхъ безъ такого критерія предоставлено или чистому произволу или спорнымъ, случайнымъ соображеніямъ. Только такой законъ, коренящійся въ самой организациі духа нашего, подобно логическимъ законамъ мышленія, могъ бы ставить человѣческой волѣ требованія, столь же внутренне-необходимыя, *всеобщія и единыя*, какъ внутренне-необходимы, всеобщі и едины законы логической мысли.

И такой законъ въ нашей духовной организациі несомнѣнно

существуетъ, составляя основу всякой возможной нравственной оцѣнки своихъ и чужихъ поступковъ, всякой нравственной жизни. Открыто ли, сознательно и точно сформулированный какъ законъ, или руководя мыслию философа только какъ неясный, полусознательный *постулатъ* этой мысли, онъ лежитъ въ основѣ построения *всѣхъ* нравственныхъ учений, кромѣ Ницшева.

Это—*принципъ формальной законмѣрности* нашихъ собственныхъ мыслей, чувствъ и желаній. Это — требованіе каждаго сознанія отъ тѣхъ представленій своихъ, чувствъ и цѣлей, на которыхъ оно останавливается, которыя признаетъ,—чтобы они *оправдывались* согласіемъ своимъ съ какимъ бы то ни было *общимъ критеріемъ*, а не одной своею наличностью, случайной данностью въ этомъ сознаніи. Безъ этого требованія отъ себя какой-либо общей законмѣрности своихъ признанныхъ мыслей, чувствъ, желаній и цѣлей, какого-либо *оправданія* ихъ, человѣкъ никогда не производилъ бы никакой *критики* наличныхъ своихъ представленій и желаній, никогда не различалъ бы между истинной и ложью, добромъ и зломъ, красотой и безобразіемъ. Онъ навѣки оставался бы, какъ животное, при своихъ случайныхъ *наличныхъ* состояніяхъ представленія, чувства и т. п., никогда не имѣлъ бы ни науки, ни этики, ни эстетики, ибо онъ всѣ состоятъ въ *критикѣ* наличныхъ представленій и побужденій.

Нетрудно видѣть и то, *откуда* вытекаетъ это безусловное требованіе формальной законмѣрности, такъ рѣшительно опредѣляющее всю нашу духовную жизнь и дѣятельность, лежащее въ основѣ и нашей науки, и нашей нравственности, и нашей эстетики. Оно неизбежно вытекаетъ изъ того, что мы *сознаемъ себя*. Объективируя свою мысль, побужденіе, мы сознаемъ свое представленіе, свое чувство, свое побужденіе, какъ одно *изъ цѣлаго ряда возможныхъ вообще* (objective) *представленій, чувствъ и побужденій*. Для того, чтобы при этомъ мое сознаніе остановилось именно на этомъ, а не на другомъ изъ всего ряда возможныхъ представленій, побужденій и чувствъ, одобрило его, *признало*,—оно должно сличить его съ другими, произнести надъ нимъ *сужденіе*. А это значитъ—подвести его подъ какой-либо критерій, оправдывающій его objective, *вообще*. Основное требованіе формальной законмѣрности, *оправданія* мысли, чувства и побужденія, потому и направляетъ всякую нашу духовную дѣятельность, потому и ставитъ для нея *нормы*, логическія, этические и эстетическія,—что мы созна-

емъ себя, къ себѣ самимъ относимся объективно, о самихъ себѣ судимъ. Отрицать это—значитъ отрицать всякія нормы, *всякую* логику, науку, нравственность и эстетику*).

Это безусловное требованіе формальной закономерности всякой духовной, самосознающей дѣятельности (а слѣд. и дѣятельности, полагающей и осуществляющей какія-либо цѣли) называется вездѣ, гдѣ возникаетъ вопросъ: истинна ли эта моя мысль, хорошо ли это мое побужденіе, прекрасенъ ли образъ? Поэтому и не существуетъ такого нравственнаго ученія, въ основѣ котораго оно бы не лежало. Въ нѣкоторыхъ, наиболѣе высокихъ ученіяхъ, оно исполнѣ ясно, сознательно и сформулировано, именно какъ самое основаніе нравственной жизни, нравственнаго сужденія вообще. Въ самой отвлеченной, чисто формально-логической формѣ сформулировано оно Кантомъ въ его «категорическомъ императивѣ»: дѣйствуй такъ, чтобы правило твоего поступка могло быть общимъ правиломъ, *закономъ поступка вообще*. Въ болѣе конкретной и полной формѣ это требованіе оправданія своего побужденія общою законностью его, какъ побужденія *вообще*, выражено ранѣе въ заповѣди христіанства: люби ближняго, какъ самого себя,—заповѣди, возводящей любовь во всеобщій законъ.

Но и въ наиболѣе далекихъ, повидимому, отъ задачъ безусловной морали ученіяхъ утилитаризма, эволюціонизма и т. п.—*основнымъ*, руководящимъ, всерѣшающимъ остается все это же требованіе *оправданія* признаваемой цѣли, образа чувствъ и дѣйствій, ихъ *всеобщей* закономерностью, способностью ихъ быть цѣлью, чувствомъ, дѣйствіемъ вообще, для всѣхъ и каждого, не становясь въ противорѣчіе съ собою въ разныхъ индивидуумахъ. Высшей цѣлью признается ими лишь та, которой осуществленіе возможно для каждого безъ ущерба другимъ, и возможно для всѣхъ (цѣли идеальныя: наука, искусство, нравственность, общее благо),—цѣль формально-закономѣрная. Добрымъ поступкомъ признается такой,

*) Этотъ чрезвычайно простой и очевидный выводъ начала формальной закономерности изъ самосознательности нашей духовной жизни, не упоминается обыкновенно моралистами, оставляющими, поэтому, и все свое зданіе этики недостроеннымъ въ самомъ его фундаментѣ. Происходитъ это упущеніе самаго основнаго и главнаго, именно благодаря чрезмѣрной простотѣ и самоочевидности вывода, не приковывающего къ себѣ серьезнаго и отчетливаго вниманія.

въ которомъ я, осуществляя свое свободное самоопредѣленіе, не нарушаю тѣмъ чужого самоопредѣленія, а самоопредѣленіе, такимъ образомъ, остается всеобщимъ закономъ,—т. е. поступокъ формально-закономѣрнымъ и т. п. Конечно, этотъ принципъ, требующій оправданія всякой мысли, чувства и побужденія ихъ общею, формальной закономѣрностью, не даетъ еще готовыхъ сужденій о той или другой мысли, о томъ или другомъ побужденіи: онъ не даетъ еще готовой критики мыслей и побужденій, готовой науки или нравственности. Но онъ одинъ возбуждаетъ критику мною моею собственной мысли и воли. Онъ одинъ несомнѣнно лежитъ *въ основѣ* всякой критики мыслей и побужденій, въ основѣ всякой науки и нравственности. Отрицаніе принципа формальной закономѣрности, какъ оправдывающей мысль и поступокъ, есть отрицаніе *всякой* логики и нравственности, отрицаніе самаго различія истины и лжи, добра и зла, отрицаніе всякаго сужденія, всякаго спора и доказательства. Это чистый *нигилизмъ*, гдѣ всякое разсужденіе, всякая оцѣнка мыслей и побужденій замѣняется всему себя противопоставляющимъ и ни въ чемъ себѣ не ищущимъ оправданія: *я хочу такъ*. Ни спору, ни доказательству здѣсь уже мѣста нѣтъ!

Такое именно отрицаніе коренного закона всей нашей духовной жизни,—принципа формальной закономѣрности,—такое именно вознесеніе своего «*я хочу*» надъ всякимъ оправданіемъ, всякимъ сужденіемъ о немъ и всякою оцѣнкой, на степень *верховнаго закона* для міра, и составляетъ самую сущность взглядовъ Ницше на нравственность. Въ этомъ отрицаніи или игнорированіи принципа формальной закономѣрности—корень рѣшительнаго непониманія Ницше столь ненавидимаго имъ христіанства и лучшихъ нравственныхъ ученій, въ родѣ Кантова. Для послѣднихъ *всякая нравственная личность, какъ такая* (то-есть носительница нравственнаго закона) *есть самоцѣль* и никогда не можетъ и не должна быть только *средствомъ* для другой цѣли или другого лица. Но въ этомъ возведеніи своего «*я хочу такъ*» въ верховный законъ всего міра и всей исторіи—и мотивъ ожесточенной борьбы Ницше противъ морали «общественности» (общаго блага) и «альтруизма». Его критика этихъ ученій безпощадна и неопровержима именно въ той части ея, гдѣ онъ возстаетъ противъ низведенія ими личности на простое служебное орудіе, средство для общества, для массы (что противно и христіанст-

ву, и серьезной нравственной философіи, какъ у Канта). Но она становится отрицаніемъ *всякой* логики и нравственности тамъ, гдѣ, ставя *я хочу* верховнымъ закономъ и для міра, и для общества, она обращаетъ и міръ и людей (что опять противно и христіанству и всякой нравственной философіи) въ служебныя орудія, безразличныя средства для полноты и торжества этого *я хочу*. Въ этомъ же поклоненіи своему личному произволу, какъ верховному закону бытія, и ядро того обнаружившагося позднѣе помѣшательства, которымъ кончилъ несчастный Ницше, вообразивъ себя подъ конецъ жизни Богомъ и творцомъ міра...

Трудно указать болѣе блестящую, злую и неумолимую критику той современной морали, которая называется общественной, альтруистическою, эволюціонистскою, моралью приспособленія, утилитарною,—чѣмъ критика Ницше. Но доводы ея дѣйствительно неотразимы, стрѣлы ея дѣйствительно смертельно ядовиты *только* для этой морали, которая своего основанія ищетъ не въ безусловныхъ требованіяхъ, коренящихся въ самой нашей духовной организаціи, но въ разныхъ полезностяхъ: въ общемъ благѣ или общественномъ благѣ, въ спокойствіи порядка, прелестяхъ мирнаго общежитія и т. п. Съ *этою* моралью нашего времени,—условной, относительной, не признающею ни свободной воли, ни Бога, ничего кромѣ естественныхъ стремленій особи ко всяческому благополучію,—ничего общаго не имѣетъ мораль христіанская и безусловная мораль Канта. Эти послѣднія основаніе свое видятъ не въ общественномъ благѣ, не въ благополучіи мирнаго и безпечальнаго сожитія людей, для котораго отдѣльный человѣкъ былъ-бы лишь служебнымъ орудіемъ, средствомъ. Для нихъ, напротивъ, нравственная личность есть *самоцѣль* *) и никогда не можетъ быть средствомъ. Для нихъ основаніе нравственности—не въ случайныхъ внѣшнихъ условіяхъ среды или общества, а въ безусловныхъ требованіяхъ самого духа; оправданіе и высшая необходимая санкція послѣднихъ—въ высшей законодательной волѣ (вѣдь только воля можетъ *обязывать*, связывать волю!) со-
вершеннаго Существа **).

*) Именно согласно принципу формальной законмѣрности (ср. вторую формулу категорическаго императива у Канта).

**) Безъ этого послѣдняго завершенія и обоснованія морали, автономная мораль (внутренній законъ духа) остается и формальною, какъ у Канта, и лишенною дѣйствительною внутренней обязательности для воли. *Одного знанія*

Это различіе между безусловною христіанскою моралью и новою утилитарною моралью нашего времени необходимо помнить, слѣдя за критикою Ницше, который самъ постоянно ихъ смѣшиваетъ, приписывая и христіанской, безусловной морали чисто утилитарныя, внѣшнія основанія и мотивы. Происходитъ у Ницше такое смѣшеніе потому, что, признавъ вообще, что основаніе нравственности лежитъ внѣ ея области, въ цѣляхъ (утилитарное), онъ и не задается даже мыслью о возможности ея *внутренняго* основанія въ самой организациі духа. Поэтому онъ и не замѣчаетъ, что христіанская, безусловная мораль (гдѣ личность самоцѣль) отличается отъ условной, утилитарной (гдѣ личность—средство) именно внутреннимъ, безусловнымъ своимъ обоснованіемъ,—и всякую мораль вообще считаетъ утилитарною, опредѣленною не *началами*, но *цѣлями*. Но признать внутреннее, безусловное основаніе морали, внутренній законъ духа, Ницше и не могъ, ибо тогда ему пришлось бы отказаться отъ верховенства своего ничѣмъ не связаннаго внѣзаконнаго *я хочу*. Христіанство и его мораль для него тѣмъ ненавистнѣе, что они именно гораздо рѣшительнѣе, принципиальнѣе отрицаютъ это верховенство *я хочу*, полагая ему внутренній законъ, чѣмъ самый послѣдовательный утилитаризмъ, всегда условный, относительный и лишь отчасти ограничивающій произволь особи.

Много очень цѣнныхъ и вѣрныхъ замѣчаній представляетъ у Ницше критика Шопенгауэрова ученія о чувствѣ *состраданія*, какъ основаніи нравственной дѣятельности. Ницше очень остроумно доказываетъ, что это чувство не открыто Шопенгауэромъ, но частію выдуманно имъ съ присочиненіемъ разныхъ совершенно фантастическихъ достоинствъ его, частію же, тамъ гдѣ Шопенгауэръ опирается на дѣйствительные факты душевной жизни, искажено его слишкомъ грубымъ психологическимъ анализомъ. Какъ *основаніе* нравственности, оно вовсе не годится. Состраданіе, замѣчаетъ Ницше, есть разслабляющій и потому вредный

о законѣ еще недостаточно для того, чтобы воля ео ipso ему *добровольно* подчинялась. Я знаю много тѣхъ или другихъ законовъ природы, но подчиняюсь имъ только *по необходимости*, тамъ, гдѣ это неизбежно; но всюду, гдѣ только возможно, я обхожу эти законы, подчиняю ихъ себѣ, заставляю служить моимъ цѣлямъ, *моей воли*. Обязательности для воли во всѣхъ этихъ законахъ нѣтъ; обязывать же волю можетъ лишь законъ, отъ воли же исходящій, ею положенный.

аффектъ *). Состраданіе становится преобладающимъ чувствомъ лишь въ средѣ съ пониженною жизнеспособностью, съ уменьшенною стойкостью и энергіей воли, усталой отъ жизни, или согнувшейся подъ ея тяжестью и вырождающейся. Это—среда боязливая, страдающая *impressionisme moral*, только и помышляющая о томъ, какъ бы избѣжать опасности и страданія. Мораль состраданія—мораль вырождающихся поколѣній, мораль упадающихъ и дряхлѣющихъ цивилизацій съ ихъ постояннымъ симптомомъ—пессимизмомъ.

Еще менѣе пригодно служить основаніемъ нравственности начало общаго блага, оцѣнка поступковъ по ихъ полезности или вредности для цѣлаго. Что здѣсь полезно, что вредно?—То, что было полезно вчера, когда обществу угрожала опасность извнѣ (отвага, жестокость, властные инстинкты, хитрость), становится вреднымъ сегодня, когда внѣшняя опасность уже перестала грозить. Двигаются человѣчество и общество впередъ не смирными, добрыми людьми, разрабатывающими готовые мысли и блага, «земледѣльцами духа», но тѣми, кто, созидая новое, должны разрушать старое и, слѣдовательно, причинять массамъ много страданій, борьбы и слезъ. «Самые сильные и злые люди—говорить онъ,—до сихъ поръ всегда двигали человѣчество впередъ».

Хваля добродѣтель, актъ самопожертвованія, самообузданія личности, общество хвалитъ въ нихъ поэтому не ихъ непосредственную полезность или разумность. Хвалится собственно та *глупость* добродѣтели, въ силу которой человѣкъ отрекается отъ своей индивидуальности, обуздываетъ свою силу, свою страсть, давая превратить себя въ послушное и безопасное служебное орудіе цѣлаго. Общество радуется, чувствуя, что со стороны добродѣтельнаго, безличнаго ему, не грозитъ уже никакая опасность,—а опасности, которая всегда на-лицо, пока существуетъ сильная личность, оно всего болѣе боится. Хвалится собственно безличность, сходность, равенство, посредственность, ничтожество. Люди стремятся,—сознаютъ ли они это, или нѣтъ,—къ коренному преобразованію, ослабленію и обезличенію, устраненію индивидуума. Признакъ *общественныхъ* чувствъ и поступковъ заключается въ ихъ обезличивающемъ вліяніи, въ ихъ тенденціи уравнивать всякую личность съ *среднимъ уровнемъ* общественной массы, въ

*) Ср. мое «Чувство, какъ нравственное начало», гл. III-я.

сглаживаніи тѣхъ индивидуальныхъ различій, которыя сдѣлали бы сильную личность слишкомъ опасною для ея сосѣдей и для общества. Общество боится индивидуальности, опасности отъ нея. Поэтому оно и одобряетъ безличную посредственность и стремится къ равенству смиренныхъ и послушныхъ посредственностей. Современная общественная мораль, говоритъ Ницше, есть мораль стадныхъ животныхъ, это—*дрессура*.

Если съ точки зрѣнія современныхъ общественныхъ ученій морали, видящихъ въ лицѣ лишь служебное орудіе цѣлаго, подчиненіе закону (общаго блага) есть дѣйствительно обезличеніе и требуется уравненіе, обезличеніе, опошленіе личностей,—то правъ ли Ницше, сводя *всякое* подчиненіе личности общему закону вообще на обезличеніе, опошленіе?—Очевидно, нѣтъ. Или, подчиняя теченіе своихъ мыслей законамъ логики, философъ обезличивается, опошляется? Или, подчиняясь законамъ гармоніи, композиторъ становится безличною посредственностью? Или только *нарушая* и отрицая законы логики и гармоніи, могу я быть и глубокимъ философомъ, и великимъ музыкантомъ?!

Въ томъ то и дѣло, что подчиненіе личной воли закону совпадаетъ съ обезличеніемъ только во внѣшнихъ, часто утилитарныхъ отношеніяхъ людей, *идѣ личность перестаетъ быть самоцѣлью* и является для другого лишь контрагентомъ, средствомъ,—но не въ области неутилитарной, духовной, жизни и дѣятельности. Не замѣчая послѣдней, съ ея неутилитарными, безусловными законами, Ницше и возстаетъ противъ *всякаго* закона вообще, какъ требующаго будто-бы обезличенія. Обезличеніе, обезцвѣченіе и измельчаніе жизни, вырожденіе человѣка видитъ онъ не только въ подчиненіи личности, какъ служебнаго орудія, *внѣшнимъ* ей утилитарнымъ цѣлямъ общественнаго блага, но и въ ея подчиненіи своему собственному, *внутреннему* закону мысли, чувства и воли. Онъ и послѣдній отрицаетъ. Онъ ненавидитъ не одну мораль, но и логику и систему.

Замѣчательною силой страсти и убѣжденія проникнуты тѣ афоризмы Ницше, въ которыхъ онъ раскрываетъ дѣйствительно ужасающій смыслъ того всеобщаго обезличенія, которое составляетъ существеннѣйшее требованіе современной морали «общественнаго блага», «приспособленія», «альтруизма» и «утилитаризма»,—морали, какъ дрессуры человѣка. Это—самыя блестящія и неотразимо убѣдительныя страницы его, подкапывающія въ корнѣ всю

эту утилитарную, условную, чисто внѣшнюю и насилующую духъ мораль, самое яркое выраженіе которой—въ социализмѣ. Эта мораль, говоритъ Ницше сдѣлала изъ человѣка прирученное домашнее животное. Но она согнула и ослабила его волю, вытравила изъ него всѣ сильныя и властныя инстинкты, связала и усмирила всѣ бьющіяся въ немъ страсти: она истребила въ немъ все пышное и роскошное и сдѣлала его проще и дешевле. Она сдѣлала *посредственность* идеаломъ и типомъ человѣка. Въ этомъ—самая величайшая, самая грозная наша опасность, и источникъ утомленія отъ самаго вида испошливагося человѣка, *taedium vitae* и нигилизма. Общее вырожденіе человѣка, его измельчаніе до совершеннаго стаднаго животнаго, его превращеніе въ животнаго-карлика съ одинаковыми правами и притязаніями—вотъ ужасающая опасность, грозящая человѣку отъ его морали общественнаго блага, альтруизма и утилитаризма! Цѣпи, налагаемыя этою моралью на человѣческую душу, — глубоко-растлѣвающія, разрушающія его жизненную силу цѣпи. Долой же эти цѣпи!—въ этомъ—первая, насущнѣйшая задача.

Но кто же всего больше сдѣлалъ въ исторіи для освобожденія человечества *именно отъ этихъ* обезличивающихъ цѣпей единойдержавнаго «общественнаго блага», морали утилитаризма и приспособленія?—Конечно, христіанство,—именно то самое христіанство, которое Ницше такъ страстно и болѣзненно ненавидитъ. Именно отъ этихъ цѣпей, сковывавшихъ безъ выхода духъ человѣка въ языческомъ мірѣ съ его моралью, вытекавшею изъ *внѣшнихъ* духу основаній и цѣлей жизни,—и эмансипировало человечество христіанство, указавъ духу на его собственный, *внутренній*, безусловный законъ и призваніе. Ницше этого не видитъ и не хочетъ видѣть. Онъ не признаетъ закона внутренняго, имѣющаго основаніе не въ томъ, что внѣшне и условно, каковы цѣли жизни; поэтому онъ и отрицаетъ законъ вообще, какъ всегда внѣшній, обезличивающій. Понятіе христіанской безусловной морали о личности, какъ о самоцѣли, никогда не обращаемой въ *средство* для какихъ бы то ни было цѣлей, ему совершенно чуждо и какъ бы даже неизвѣстно. Для него существуетъ только альтернатива: или сильная личность, какъ орудіе и средство для общественнаго блага, блага безличныхъ, бессмысленныхъ и ничтожныхъ массъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ — вырожденіе, униженіе человѣка до стаднаго животнаго,—или общество, массы, какъ слу-

жебное средство, пьедесталь для широчайшаго и прекраснѣйшаго расцвѣта сильной, ничѣмъ ни извнѣ, ни извнутри не связанной, гениальной личности.

Ницше конечно признаетъ только второе. Въ высшихъ людяхъ онъ видитъ весь смыслъ и все оправданіе жизни. Они имѣютъ въ тысячу разъ болѣе правъ на существованіе, чѣмъ ничтожная, смиренная посредственность массъ. Смыслъ и цѣнность общественной массы заключаются не въ ней самой. Общество существуетъ не ради общества, но лишь въ качествѣ фундамента, подмостковъ, на которыхъ могъ бы подняться болѣе изысканный родъ существъ, къ своей высшей задачѣ, къ высшему существованію. Оно—лишь подмостки для «сверхъ-человѣка». Ради полноты развитія этого сверхъ-человѣка, этой гениальной, могучей и прекрасной личности, масса обрекается на неполное существованіе, на участь рабовъ и орудій, относительно которыхъ, какъ не имѣющихъ собственной внутренней цѣнности,—ради высокой цѣли,—все дозволено, до неумолимой жестокости. *Werdet hart!*— послѣдній завѣтъ Ницше. Безумною расточительностью было бы дѣлать здороваго орудіемъ больного, или генія—орудіемъ массы. Поэтому, заключаетъ Ницше, нужно, наоборотъ, массу сдѣлать орудіемъ генія. Послѣднему все дозволено; для него нѣтъ ни вины, ни грѣха, ни угрызений совѣсти; онъ долженъ быть и неумолимъ, и свободенъ отъ всякихъ цѣпей, предразсудковъ метафизическихъ, религіозныхъ и нравственныхъ; нарушеніе нравственности нисколько для него не постыдно, ибо все—и самая нравственность—*для него!*

Понятіе о нравственной личности, какъ самоцѣли, о нравственномъ законѣ, какъ не отвнѣ и ради внѣшнихъ отношеній наложенномъ на духъ, а его собственномъ, внутреннемъ законѣ, остается съ начала до конца чуждымъ и неизвѣстнымъ Ницше. Признавъ произвольно, что основаніе закона вообще есть только внѣшнее (цѣли жизни), и безспорно доказавъ затѣмъ, что нравственность, опирающаяся только на *внѣшнія*, условныя основанія (утилитаризмъ, альтруизмъ, приспособленіе), совершенно несостоятельна, онъ изъ этихъ посылокъ, изъ которыхъ первая безусловно *ложна*, а вторая *вѣрна*, и выводитъ свое нелѣпое логически заключеніе: *закона вообще не должно быть!* Законъ одинъ: мой произволь!

Не въ этомъ чудовищномъ и, какъ видно, логически нелѣпомъ.

выводѣ — поучительность блестящихъ афоризмовъ Ницше. Она вся—въ его критикѣ той морали, которая не знаетъ иныхъ основаній нравственного закона, кромѣ внѣшнихъ, условныхъ, утилитарныхъ. Но такова не только разрушаемая Ницше мораль общественнаго блага, состраданія, альтруизма, приспособленія и т. п., но и *собственная* мораль Ницше. И она приходитъ къ послѣдательному отрицанію закона *только* потому, что она сама не знаетъ иныхъ основаній его, кромѣ внѣшнихъ. Чудовищные нравственные взгляды Ницше поучительны именно какъ убѣдительнѣйшее косвенное доказательство того, что основаніе нравственности—не внѣшнее (въ цѣляхъ), но внутреннее (въ законахъ духа),—не условное и утилитарное, но безусловное и безкорыстное.

Только эта поучительность и искупаетъ отчасти тяжесть и неблагодарность труда—разбирать такое колоссальное и часто-возмутительное заблужденіе, такую болѣзнь духа, какими представляются взгляды на нравственность Фр. Ницше. Тяжелѣе и неблагодарнѣе могъ быть только принятый на себя г. Преображенскимъ съ истиннымъ самопожертвованіемъ трудъ *простого изложенія* этихъ взглядовъ для публики. Если это изложеніе не было «преждевременнымъ» въ глазахъ его трудолюбиваго автора, то едва ли можетъ считаться имъ преждевременною и эта критика изложеннаго имъ «разсуждающаго безумія нашего декадентства».

П. Е. Астафьевъ.